

Ю.В. Лебедев

«Сказки» как итог сатирического творчества Салтыкова-Щедрина

Над книгой «Сказок» Салтыков-Щедрин работал в основном с 1882 по 1886 год. Эту книгу считают итоговым произведением писателя: в ней синтезированы все мотивы его творчества. Хотя «Сказки» включают в свой состав отдельные произведения, книга не является простым сборником, между отдельными сказками устанавливается довольно плотная и разветвленная художественная взаимосвязь.

Обращение сатирика к сказочному жанру продиктовано внутренней эволюцией его творчества. В 1880-е годы сатира Щедрина принимает все более обобщенный характер, стремится взлететь над злобой дня к предельно широким и емким художественным обобщениям. Поскольку общественное зло в эпоху 1880-х годов измельчало, проникло во все поры жизни, растворяясь в повседневности и вращаясь в быт, потребовалась особая сатирическая призма, облегчающая преодоление будней жизни, мелочей повседневного существования. Сказка помогала Щедрину укрупнить масштаб художественного изображения, придать своей сатире вселенский размах, увидеть за русской жизнью жизнь всего человечества, за русским миром — мир в его всемирных пределах. И достигалась эта «всемирность» путем вращивания сатиры в «народную почву», которую писатель считал «единственно плодотворной почвой» для сатирического осмысления действительности.

Нельзя не заметить, что в основе щедринской фантастики и гротеска лежит народный взгляд на вещи, что многие фантастические его образы являются не чем иным, как развернутыми фольклорными метафорами. Вспомним, например, безголовых градоначальников из «Истории одного города». И «органчик» у Брудастого, и «фаршированная» голова у Прыща восходят к распространенным народным пословицам, поговоркам и фразеологизмам: «на тулово без шапки головы не пригонишь», «тяжело голове без плеч, худо телу без головы», «у него голова трухой набита», «потерять голову», «хоть на голове-то густо, да в голове пусто». Богатые сатирическим смыслом народные присловия почти буквально переносятся Салтыковым-Щедриным в описания глуповских бунтов и междоусобиц. Часто обращается сатирик и к народной сказочной фантастике, пока не находит в ней на закате своей жизни наиболее емкую и лаконичную форму сатирических обобщений.

В основе сатирической фантазии итоговой книги Щедрина лежат народные сказки о животных. Писатель использует здесь отточенное вековой народной мудростью содержание, освобождающее сатирика от необходимости развернутых мотивировок и характеристик. В сказках каждое животное наделено готовым характером: волк жаден и жесток, лиса коварна и хитра, заяц труслив, щука хищна и прожорлива, осел беспросветно туп, а медведь глуповат и неуклюж. Сатира по своей художественной специфике чуждается подробностей, она изображает жизнь в наиболее резких ее проявлениях, которые преувеличиваются и укрупняются. Поэтому сказочный тип мышления органически соответствует самой природе сатирической типизации. Это наглядно подтверждает и народная мудрость: среди многообразных сказок о животных встречается особая разновидность — сатирические сказки. Такова, например, сказка «О Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» — яркая народная сатира на суд и судопроизводство — или байка «О щуке зубастой», предвосхищающая мотивы «Премудрого пискаря» и «Карася-идеалиста».

Заимствуя у народа готовые сказочные сюжеты и образы, Щедрин развивает и углубляет потенциально заложенное в них сатирическое содержание. А фантастическая форма является для него надежным способом эзоповского языка, в то же время понятного самым широким, демократическим слоям русского общества. С появлением сказок суще-

ственно изменяется сам адресат щедринской сатиры, писатель обращается теперь к народу. Не случайно революционная интеллигенция 1880–90-х годов использовала некоторые щедринские сказки в качестве средства революционной пропаганды.

Условно все сказки Салтыкова-Щедрина можно разделить на четыре тематические группы: сатира на правительственные верхи и эксплуататорские классы, сатира на либеральную интеллигенцию, сказки о народе и сказки, разоблачающие частнособственническую мораль и пропагандирующие социалистические идеалы.

К первой группе сказок можно отнести: «Медведь на воеводстве», «Орел-меценат», «Богатырь», «Дикий помещик» и «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». В сказке «Медведь на воеводстве» развертывается беспощадная критика самодержавия и единоначалия в любых его формах. Рассказывается о царствовании в лесу трех воевод-медведей, различных по своему характеру: злого сменяет ретивый, а ретивого добрый. Но эти перемены никак не отражаются на общем состоянии лесной жизни. Не случайно про Топтыгина 1-го в сказке говорится: «...он, собственно говоря, не был зол, а так, скотина». Зло заключается не в частных злоупотреблениях отдельных воевод, а в звериной, медвежьей природе власти. Оно и совершается с каким-то наивным простодушием: «Потом стал корни и нити разыскивать, да кстати целый лес основ выворотил. Наконец, забрался ночью в типографию, станки разбил, шрифт смешал, а произведения ума человеческого в отхожую яму свалил. Сделавши все это, сел, сукин сын, на корточки и ждет поощрения». В сказке «Орел-меценат» Щедрин показывает враждебность монархического строя просвещению, а в «Богатыре» история российского самодержавия изображается в образе гниющего богатыря и завершается полным его распадом и разложением.

Обличению паразитизма господствующих классов посвящены сказки о диком помещике и двух генералах. Между ними много общего: и в том и в другом случае Щедрин оставляет господ предоставленными самим себе, освобожденными от своих кормильцев и слуг. И вот перед «освобожденными» господами открывается один-единственный путь — полного одичания.

Беспримерная сатира на русскую либеральную интеллигенцию развернута у Салтыкова-Щедрина в сказках о зайцах и рыбах. В «Самоотверженном зайце» воспроизводится особый тип трусости, свойственной интеллигенции, но не чуждой и народу. Заяц труслив, но это не главная его черта. Главное в другом: «Не могу, волк не велел». Волк отложил съедение зайца на неопределенный срок, оставил его сперва под кустом сидеть, а потом разрешил даже отлучиться на свидание с невестой. Что же руководило зайцем, когда он обрек себя на съедение? Трусость? Нет, не совсем: с точки зрения зайца — глубокое внутреннее благородство и честность. Ведь он волку слово дал! Но источником этого «благородства» оказывается возведенная в принцип покорность — самоотверженная трусость! Правда, есть у зайца и некий тайный расчет: восхитится волк его благородством да вдруг и помилует.

Помилует ли волк? Ответ на этот вопрос содержится у Щедрина в другой сказке под названием «Бедный волк». Волк не по своей воле жесток, а «комплексия у него каверзная», ничего, кроме мясного, есть не может. Так в контексте книги зреет мысль сатирика о тщетности надежд на милосердие и великодушные власти, хищных и по своей природе и по своему положению в мире людей.

Здравомысленный заяц, в отличие от самоотверженного, — теоретик, проповедующий идею «цивилизации волчьей трапезы». Он разрабатывает проект разумного поедания зайцев: надо, чтобы волки не сразу зайцев резали, а только бы часть шкурки с них сдирали, так что спустя некоторое время заяц другую бы мог представить. Этот проект — злая пародия Щедрина на теории либеральных народников, которые в реакционную эпоху 1880-х годов отступили от революционных принципов и перешли к проповеди «малых дел», постепенных уступок, мелкого реформизма.

Здравомысленный заяц, в отличие от самоотверженного, проповедует своего рода теоретические принципы, но то же самое делает и вяленая вобла в сравнении с премудрым пискарем. Премудрый пискарь жил и дрожал. Вяленая вобла превращает практику жизни премудрого пискаря в разумную теорию, которая сводится к формуле: «уши выше лба не растут». Из этой формулы она выводит принцип жизненного поведения: «Ты никого не тронешь, и тебя никто не тронет». Однако приходит срок — и проповедующая умеренность и аккуратность вяленая вобла заподозрена в неблагонадежности и отдана в жертву «ежовым рукавицам».

К сказкам о либералах примыкает «Карась-идеалист», но существенно отличается от них грустной сатирической тональностью. В этой сказке Щедрин развенчивает драматические заблуждения определенной части русской и западноевропейской интеллигенции, примыкающей к социалистическому движению. Карась-идеалист — носитель высоких нравственных идеалов, готовый на самопожертвование ради их осуществления. Но он считает социальное зло простым заблуждением умов и наивно полагает, что даже щуки к добру не глухи. Поэтому он верит в бескровное преуспеяние, в достижение социальной гармонии путем нравственного перерождения щук.

И вот карась развивает перед щукой свои социалистические утопии. Два раза ему удается побеседовать с хищницей, отделавшись небольшими телесными повреждениями. На третий раз случается неизбежное: щука проглатывает карася, причем надо обратить внимание, как она это делает. Первый вопрос карася-идеалиста: «что такое добродетель?» — заставляет хищницу разинуть пасть от удивления, машинально потянуть в себя воду, а вместе с ней так же машинально проглотить карася. Этой деталью Щедрин подчеркивает, что дело не в «злых» неразумных щуках: сама природа хищников такова, что они проглатывают карасей произвольно — тоже «комплексия каверзная»!

Таким образом, в первых двух группах сказок Щедрин показал тщетность всех иллюзий на возможность мирного переустройства общества. Перед сатириком вставал вопрос: какая же сила решит исход освободительной борьбы? Писатель понимал, что этой силой должна быть сила народная. Однако русское крестьянство эпохи 1880-х годов не давало повода для оптимистических надежд относительно своих революционных возможностей. Щедрин всегда смотрел на мужика трезвым, критическим взглядом и был далек как от славянофильской, так и от народнической его идеализации. Скорее наоборот, он был склонен переоценивать политическую наивность и гражданскую пассивность народных масс. Само сочувствие сатирика народу основывалось не столько на эмоциях, сколько на трезвом понимании законов исторического развития, в котором именно народу принадлежало решающее слово на крутых поворотах истории.

Это понимание и заставляло Щедрина предъявлять к народу повышенные требования и горько разочаровываться в том, что они пока неосуществимы.

В «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» два подхода Щедрина к оценке народа «исторического» и народа «как воплоителя идеи демократизма» совмещаются. Эта сказка — остроумный русский вариант «робинзонады». Представители паразитических классов общества, оказавшись на необитаемом острове, лишь доводят до логического конца присущий им образ жизни, основанный на людоедстве, и приступают к буквальному взаимному пожиранию. Только мужик оказывается у Щедрина первоосновой и источником жизни, подлинным Робинзоном. Щедрин поэтизирует его ловкость и находчивость, его трудовые руки и чуткость к земле-кормилице. Но здесь же с горькой иронией сатирик говорит о крестьянской привычке повиновения. Вскрывается противоречие между потенциальной силой и гражданской пассивностью мужика. Он сам вьет генералам веревку, которой они привязывают мужика к дереву, чтобы он не убежал. Узел всех трагических переживаний сатирика коренится в этом неразрешимом пока противоречии.

С особой силой эти переживания отразились у Щедрина в сказке «Коняга». Загнанная крестьянская кляча — символ народной жизни. «Нет конца работе! Работой исчерпы-

вається весь смысл его существования; для нее он зачат и рожден, и вне ее он не только никому не нужен, но, как говорят расчетливые хозяева, представляет ущерб». В основе конфликта щедринской сказки лежит народная пословица о «пустоплясах», барских изнеженных лошадях, предназначенных не для трудовой жизни, а для пустых барских потех: «Рабочий конь на соломе, пустопляс — на овсе». Ясно, что народ вкладывал в эту пословицу широкий социальный смысл: речь шла о голодных тружениках и сытых бездельниках.

В сказке ставится вопрос: где выход? — и дается ответ: выход в самом коняге. Окружающие его пустоплясы-интеллигенты могут сколько угодно спорить о его мудрости, трудолюбии, здравом смысле, но споры их кончаются, когда наступает пора кричать всем вместе, дружным хором: «Н-но, каторжный, н-но!»

Драматические раздумья Щедрина о противоречиях народной жизни достигают кульминации в сказке «Кисель». Сначала ели кисель господа, «и сами наелись, и гостей употчевали», а потом соскучились и уехали «на теплые воды гулять», кисель же отдали свиньям. «Засунула свинья рыло в кисель по самые уши и на весь скотный двор чавкотню подняла». Смысл иносказания очевиден: сначала господа доводили народ до полного разорения, а потом им на смену пришли еще более прожорливые и циничные кулаки-буржуа. Но что же народ? Как ведет он себя в процессе его пожирания? «Кисель был до того разымчив и мягок, что никакого неудобства не чувствовал оттого, что его ели». Даже еще радовался: «Стало быть, я хорош, коли господа меня любят!»

В сказках, высмеивающих мораль эксплуататоров и пропагандирующих революционно-демократические принципы нравственности, проводится мысль о ненормальности нормального в обществе, где все представления о добре и зле извращены. Героя сказки «Дурак» Иванушку все окружающие считают дураком, так как он не может принять за норму то, что узаконено в эксплуататорском обществе. Здесь сатирик опирается на поэтическую традицию сказок об Иванушке-дурачке, оказывающемся на самом деле умным, смелым и находчивым героем. В сказке сталкиваются в непримиримом конфликте две морали — эксплуататорская и социалистическая и духовное торжество остается за правдой Иванушки.

С удивительной проникновенностью демонстрирует Щедрин внутреннее родство социалистической морали с глубинными основами народно-крестьянской культуры в сказке «Христова ночь». Пасхальная ночь. Тоскливый северный ландшафт. На всем лежит печать сиротливости и убожества. Все сковано молчанием, беспомощно, безмолвно, все задавлено грозной кабалой.

Но раздается звон колоколов, загораются бесчисленные огни, золотящие шпили церквей, — и мир оживает. Тянутся по дорогам вереницы деревенского люда, замученного, нищего. Поодаль идут богачи, кулаки — властелины деревни. Все исчезают в дали проселка, и вновь наступает тишина, но какая-то чуткая, напряженная.

И точно. Не успел заалеть восток, как совершается чудо: воскресает поруганный и распятый Христос для Суда на этой грешной земле. «Мир вам!» — говорит Христос нищему люду; эти люди не утратили чувство веры в торжество правды, и спаситель провозглашает им, что близится час освобождения.

Затем Христос обращается к толпе богатеев, мироедов-кулаков. Он клеймит эту толпу словом порицания, но и перед нею открывает путь спасения — суд их собственной совести, мучительный, но справедливый. И только предателям нет спасения. Христос проклинает их и обрекает на вечное странствие.

В сказке «Христова ночь» Щедрин исповедует народную веру. Его Христос вершит Страшный суд не в загробном мире, а на этой земле, в согласии с крестьянскими представлениями, заземлявшими христианские идеалы, придававшими им мирской характер.